

ЕВРОПЕЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ЕВРОПЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

.....

Д. Б. Казаринова¹

В статье рассматриваются проблемы соотношения политического и культурного в современной Европе, плюрализма как доминанты ее развития и сложного процесса институционализации в условиях социальной и культурной разнородности и противоречивых внешних вызовов. Европейское гражданство предстает как многоуровневый и разновекторный конструкт, рационально выстраиваемый в рамках элитарного проекта. Это ставит проблему легитимности ЕС и эффективности его институтов в условиях демократического дефицита. В европейском дискурсе продолжается поиск оснований для непротиворечивого развития разных векторов идентичности. Методологической основой исследования послужили признание культурного плюрализма как политической детерминанты, принципы теории политической интеграции, концепции пределов демократии, разграничение понятий культурного разнообразия и разнородности.

Ключевые слова: Евросоюз, евроинтеграция, социокультурная интеграция, европейская идентичность, европейское гражданство, кризис мультикультурализма, инокультурные анклав, культурное разнообразие, демократический дефицит.

Противоречивые вызовы современной Европе

Сегодня общества в Европе сталкиваются со множеством разнообразных вызовов. С одной стороны, несмотря на кризис и нарастание евроскептических настроений, продолжается интеграционный процесс, который не может быть остановлен или повернут вспять в силу слишком больших издержек. Тяжелейший кризис вокруг Украины, приведший к новым геополитическим реалиям, которые до некоторой степени возвращают мир в состояние холодной войны, является важнейшим вызовом, на который Европейский союз должен дать ответ. С большой долей вероятности для ЕС Россия может выступить как общий Другой, подобно тому, как СССР и Варшавский блок были значимым стимулом для процесса евроинтеграции в 1950-х и 1970-х. Наднациональная экономика общего рынка в условиях глобальной экономической турбулентно-

---

¹ Казаринова Дарья Борисовна – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. Эл. почта: Kazarinova_db@pfur.ru

сти также все больше нуждается в общеевропейском регулировании, что с неизбежностью ведет к усилению брюссельской еврократии и доминирующей роли Германии как локомотива экономики Европы. Опросы общественного мнения (Eurobarometer 413) показывают, что немцы демонстрируют гораздо больший социальный запрос на ведущую роль своей страны в делах ЕС, а значит, этот тренд со временем будет приобретать все большее значение. Углубление политической интеграции (когда все больше национального суверенитета уходит в Брюссель) требует консолидации социального пространства, чувства сообщества, по Р. Далю (1994), или же становления европейского макрорегиона в качестве «большого сообщества» [Бусыгина, 2012].

Углубление политической интеграции ставит вопрос о легитимности институтов ЕС, страдающих демократическим дефицитом, а проблемы легитимности напрямую связаны с макрорегиональной идентичностью [Бусыгина, 2012]. Маркером его развития является отношение жителей ЕС к национальной и наднациональной идентичности и европейскому гражданству.

С другой стороны, все большее влияние на социальную и политическую жизнь Европы оказывает нарастающая активность инокультурных анклавов, создающая напряженность. Эта напряженность периодически выплескивается в открытые формы протестов и столкновений, что дало возможность европейским лидерам заявить о провале политики мультикультурализма. Современные политические практики не справляются с решением этих проблем. Необходим поиск новых социальных и политических стратегий на основе межкультурного диалога, которые бы способствовали инклюзии инокультурных анклавов в европейскую политическую жизнь.

По мнению специалистов Центра Шумана во Флоренции [Dobbernack, Modood, 2011], главный теоретический вопрос — это как культурное многообразие может быть вписано в либеральную демократию и секулярное общество. В данном случае европейская секулярность означает не антирелигиозность, а индивидуализированные формы религиозности в противовес общинным формам религиозности, традиционным для мигрантских сообществ. При этом речь не идет о необходимости создания некоего культурно-однородного социума. В условиях общества, сталкивающегося со значительными вызовами со стороны миграционных процессов, социально-политический идеал «национального единства» становится все менее достижимым, на смену ему пришел концепт социальной сплоченности (social cohesion), означающий степень интеграции группы, сообщества или общества в целом, включающая уровень единства ценностных ориентаций, уровень прочности межличностных взаимоотношений и уровень согласованности поведения членов группы, сообщества или общества в целом. Тем не менее базовые ценности и выстраиваемые на их основе идентичности не должны вступать друг с другом в конфликт.

Культурное разнообразие или культурная разнородность?

Вопрос об интеграции этнических меньшинств сложен и противоречив ввиду особенностей процесса евроинтеграции. Культурное многообразие в Евросоюзе имеет три измерения. С одной стороны, это внутриевропейское культурное многообразие, сложившееся в результате вхождения в единое наднациональное образование 28 государств, общества которых весьма различны по своим историческим, культурным, религиозным, хозяйственным и другим традициям. С другой стороны, значительное число стран — членов ЕС населены не только представителями титульных наций, но и испокон веков проживающих этнических и религиозных меньшинств. В результате реализации одной из ключевых свобод ЕС — свободы на передвижение в рамках Евросоюза — поток мигрантов из стран новых членов в страны ядра евроинтеграции существенно изменил социальную ткань последних. С третьей стороны, поток мигрантов извне, из неевропейских обществ, создает дополнительные самые серьезные вызовы. Сегодня до 20% жителей самых развитых стран Европы имеют иммигрантское происхождение [Triandafyllidou, 2012].

Важно заметить, что уважение культурного разнообразия заявлено в качестве одной из целей ЕС в Лиссабонском договоре.

Уместно было бы разделить культурное разнообразие и культурную разнородность. Если первое выступает целью развития ЕС, то второе отражает современное состояние европейского общества.

Культурное разнообразие — «признание существования различных культур как относительно автономных образований, отличающихся специфическим набором способов социальной практики (способы накопления, творческого преобразования и транслирования социального опыта коллективной жизни), набором методов осуществления познавательной деятельности, формами представлений, верований и идей, суммой используемых языков культуры для символического обозначения предметов, явлений и процессов окружающего мира. Культурное разнообразие проявляется в существовании таких культур, как этнические, национальные, региональные (складывающиеся в определенном географическом ареале), субкультуры, надэтнические или метакультуры (христианская, европейская, советская) и т.п.» [Овчинникова, 2001].

В то же время культурная разнородность — вызов национальному государству в эпоху глобализации, связанный с процессами усиления миграционных потоков, когда «в теле политической нации появляются инокультурные группы — носители культурных, социальных, религиозных и правовых практик, непривычных и порой несовместимых с нормами большинства». Г. Вайнштейн видит в этом «определенный дезинтеграционный потенциал, заключенный в сегодняшнем культурном ландшафте Европы» и «культурную несовместимость» [Вайнштейн, 2009].

Важно заметить, что политика в ЕС в направлении названных измерений культурного разнообразия в Европе была различной: если на протяжении последних десятилетий в сознании граждан стран — членов ЕС активно продвигалась мысль о наднациональной идентичности, то политика адаптации мигрантов проводилась исключительно в рамках вписывания их в национальный контекст. То есть в то время как французам внушали, что они европейцы, мигрантам из стран Магриба — что они французы. Причем в первом случае процесс шел несколько более успешно. Год от года растет процент респондентов, ощущающих преимущественную европейскую идентичность над национальной и региональной. Однако национальная идентичность в среднем по Европе ощущается как преимущественная во многом в связи с тем, что понятия «европейский» и «европеец» крайне размыты, сущность их просматривается лишь приблизительно. В связи с этим «явная невозможность определить сущность европейской общности с помощью формальных (будь то политических или географических) критериев ставит во главу угла критерии культурно-цивилизационного и ценностного характера, побуждая акцентировать внимание на религиозных, культурных, политических традициях Европы и ее приверженности гуманистическим и демократическим ценностям» [Вайнштейн, 2009].

Общие ценности для общей идентичности

Проблема становления европейской идентичности, которая бы доминировала над национальной, активно дебатруется не только интеллектуалами, но и представителями широкой общественности. Так, в рамках проекта *Debating Europe* пользователи предлагают целый набор ценностей, которые могут лежать в основе доминирующей европейской идентичности. Помимо «классических» общеевропейских ценностей — свободы, демократии и прав человека, респонденты предлагают и другие варианты: культурный плюрализм, творчество в искусстве, технологический подъем, основанный на философии и гуманизме, склонность к объективности и логическому мышлению, характерные для европейской культуры, общность исторического опыта и памяти, общность культурных кодов (выраженных в фольклоре), экологичность, способность к устойчивому развитию (*Debating Europe*).

Участники обсуждения вопроса о том, как возможна европейская идентичность, указывают также на необходимость внедрения европейского образования, которое бы вносило в массовое сознание европейские ценности, а не воспроизводило бы национальные мифы. Европейское образование необходимо для становления европейской идентичности по аналогии с тем, как шел процесс формирования национальных идентичностей благодаря повсеместному распространению всеобщего начального и среднего образования в странах Европы. Также обращается внимание на важность создания и общественного финансирования с той же целью общеевропейских СМИ, выходящих за рамки

новостных. То есть звучат призывы к Брюсселю интенсифицировать реализацию политики идентичности.

Активно дебатировались и проблемы языкового многообразия в контексте конструирования европейской идентичности. Сторонники одного подхода придерживаются того мнения, что единство в многообразии — одна из главных ценностей ЕС, и как ценность она важнее для европейской идентичности, чем языковая общность. Другие признают необходимость лингва франка, в качестве которого в первую очередь рассматривается английский (сейчас им владеет почти половина населения ЕС и со сменой поколений эта доля будет все увеличиваться), однако активные дискуссии ведутся и вокруг эсперанто.

Исходя из опросов общественного мнения [Eurobarometer 413, 2014], европейские достижения так распределяются по значимости:

- экономическая, промышленная и торговая мощь ЕС;
- приверженность ЕС ценностям демократии, правам человека и верховенству закона;
- добрососедские отношения между странами-членами;
- высокие стандарты жизни граждан ЕС;
- возможность продвижения Европейским союзом мира и демократии за пределами своих границ;
- возможности Евросоюза развивать исследовательскую и инновационную деятельность, европейскую экологическую ответственность.

Таким образом, общеевропейский консенсус по поводу базовых ценностей достигнут.

Европейское гражданство как социальный конструкт

С точки зрения внутриевропейских (т.е. не затрагивающих проблем мигрантских анклавов из неевропейских стран) ситуация тоже крайне неоднородна: если часть обществ, прошедшая долгий многовековой путь нациестроительства, идет по пути постепенного размывания национальной идентичности, другая часть европейской семьи народов активно переосмысляет свою национальную историю и находится едва ли не в начале этого пути. В ряде Балканских стран и стран Балтии построение нации не завершилось, существуют конкурирующие национальные проекты. Эти государства еще строят свою легитимность на основе таких понятий, как нация, национальная память, национальная культура, переоценивают национальную историю и пантеон национальных героев.

Идея о том, что Евросоюз — универсальный ответ на националистические угрозы, еще полтора десятка лет назад казалась абсолютно логичной и внушала оптимизм. С воплощением этой идеи в жизнь культурное многообразие

делает невозможным национальное единство и национальную идентичность, ЕС с его европейской идентичностью выступает как ответ на национальные вызовы [Тэвдой-Бурмули, 2001]. И действительно, когда речь шла об ирландцах и каталонцах, эта логика работала. Но сегодня главные вызовы — со стороны инокультурных сообществ. Именно эти вызовы самым серьезным образом влияют на политический ландшафт в Европе. И пока ЕС работает с мигрантами через национальные правительства, для них европейская идентичность будет значить еще меньше, чем национальная.

Европейское гражданство — концепт, введенный Маастрихтским договором более 20 лет назад и постепенно закрепляющийся в сознании европейцев. Регулярно проводимые опросы Евробарометра выявляют стабильную динамику повышения информированности жителей Союза и спроса на те возможности, которые предоставляет гражданство ЕС.

В свое время важнейшей предпосылкой введения европейского гражданства была идея привязки элитарного проекта брюссельской бюрократии к жизни европейских обывателей, сопряжение европейского выбора с кругом их прав и обязанностей, их идентичности. По прошествии двух десятков лет результаты воплощения этой идеи выглядят пока неоднозначно.

Сама формулировка понятия европейского гражданства в основополагающих договорах многим представляется невнятной и бессодержательной, что было результатом, с одной стороны, спешки составителей, а с другой — компромиссного решения. Под давлением евроскептиков Великобритании и Дании в Маастрихтский договор были включены положения о том, что европейское гражданство никоим образом не заменяет национального гражданства и что Европейский союз уважает национальную идентичность государств-членов. Эти существенные оговорки предопределили амбивалентность и размытость формулировки. В результате европейское гражданство стало во многом пустым понятием, рекламным трюком для продвижения европейского проекта. Оставаясь политическим и юридическим концептом, европейское гражданство корреспондирует с понятием национального гражданства по букве, но не по духу. Как высказался Ф. Фукуяма относительно близкого понятия европейской идентичности, оно «идет от разума, а не от сердца» [Fukuyama, 2007].

Главным «повсеместно используемым» правом, которое гарантирует европейское гражданство, является право на свободу передвижения, проживания, работы в других странах — членах ЕС. Однако Шенгенские соглашения об открытых границах, будучи практикой продвинутого сотрудничества, подразумевают возможность закрытия границ той или иной страной в случае возможной угрозы безопасности. Такие предложения иногда раздаются в пылу политических дискуссий. А значит, фундаментальное право, гарантируемое европейским гражданством, может быть существенным образом ограничено, что подрывает в определенной степени авторитет самого института.

Интересно, что по последним данным [Eurobarometer 365, 2013], новые граждане ЕС (жители 12 стран — новых членов) ориентируются в этом понятии несколько лучше, чем старожилы. Лучше всего европейцы знают о своих правах как граждан ЕС на свободу передвижения и права обращаться в институты ЕС. В результате опроса выявлено, что гражданами ЕС подразумевается даже больше прав, чем они обладают на самом деле. Так, около половины респондентов полагают, что можно напрямую, минуя посольство своей страны, обращаться в органы власти других стран за документами. Большинство также считает, что необходимо расширить спектр консульской поддержки граждан ЕС независимо от национального гражданства. Это демонстрирует социальный запрос на расширение практики применения европейского гражданства в его прикладном измерении.

Налицо также и запрос на более расширительное толкование европейского гражданства. В самом понятии гражданства содержится исключительность определенных прав для определенных групп. Сегодня из европейского гражданства исключены слишком многие: граждане стран Европы, не пожелавших войти в ЕС, а также проживающие в Европе мигранты без гражданства. Отмена границ внутри ЕС сделала его внешние границы менее проницаемыми для выходцев из соседних стран, исторически имеющих тесные связи и служащими источником трудовых ресурсов. Правило приобретения европейского гражданства по всему ЕС едино — для этого необходимо иметь гражданство одной из стран-членов, но вот правила приобретения национального гражданства от страны к стране разнятся. В результате можно констатировать неравенство доступа к европейскому гражданству.

Кроме того, в политическом плане европейское гражданство предполагает пока только участие в выборах в единственный и далеко не самый влиятельный политический институт единой Европы — Европарламент. Демократический дефицит не показывает никакой тенденции к снижению, уровень доверия к европейским институтам остается невысоким, а евроскепсис нарастает, что в особенности показали последние выборы в Европарламент.

Все названные факторы в совокупности делают концепт европейского гражданства ограниченным в своей способности развиваться вместе с единой Европой и стать социально-политическим базисом дальнейшего процесса политической интеграции.

Очевидно, что взаимное сопряжение культурного разнообразия с проблемами построения европейской (антинациональной? пост-национальной? над-национальной?) идентичности и окончательного оформления института европейского гражданства гораздо более сложно и многоаспектно, чем удалось осветить в настоящей статье. Ю. Хабермас [Хабермас, 1995] решает проблему соотношения культурного многообразия, идентичности и гражданства таким образом, что в либеральной демократии граждане идентифицируют себя как

таковые не благодаря принадлежности к некоей культурной общности, а будучи уверенными в фундаментальных конституционных принципах, которые гарантируют соблюдение их прав и свобод. Если смотреть на европейское гражданство с этой точки зрения, то пока Лиссабонский договор не стал той твердыней конституционных принципов, на которых может вырасти гражданская идентичность европейцев и подлинное европейское гражданство.

Представляется важным, что и европейская идентичность, и европейское гражданство, и культурное разнообразие являются не некой наличной данностью, но социальными конструктами, объектами социального проектирования и целенаправленной политики. Хабермас и Деррида в Манифесте европейской идентичности 2003 г. заявили, что европейская идентичность есть нечто изначально конструируемое. Но субъекты этого конструирования многообразны и нетранспарентны.

Таким образом, сегодня мы наблюдаем уникальную за последнее время ситуацию, когда противоречивые вызовы, стоящие перед ЕС, ставят евроскептическую и еврооптимистическую чаши весов в примерно равное положение. С одной стороны, взаимосвязанные демократический дефицит, культурная разнородность, отсутствие полноценного чувства сообщества и неразвитость института европейского гражданства не дают полноценно развиваться политической интеграции и формироваться наднациональной идентичности. С другой — стихийно и молниеносно изменяющийся глобальный мир с его экономической и геополитической турбулентностью предопределяет европейское единство, структурирует систему его ценностей и вычленяет основания европейской идентичности.

Библиографический список

1. Бусыгина, И. М. (2012). Региональная интеграция в современном мире и динамика макрополитической идентичности. В *Политическая идентичность и политика идентичности* (с. 365-386). Т.2. Москва: РОССПЭН.
2. Вайнштейн, Г. И. (2009). Европейская идентичность: желаемое и реальное. *Полис*, (4), 123-134.
3. Даль, Р. (1994). Проблемы гражданской компетентности. *Пределы власти*, (1), 49-65.
4. Деррида, Ж., Хабермас, Ю. (2003). Наше обновление после войны: второе рождение после Европы. *Отечественные записки*, (6), 98-105.
5. Овинникова, Ю. (2001). Культурное разнообразие. В Г.В. Драч, Т.П. Матяш (ред.) *Культурология: краткий тематический словарь* (с. 22). Ростов-на-Дону: Феникс.
6. Семенов, И. С. (2012). Мультикультурализм. В *Политическая идентичность и политика идентичности* (с. 176-181). Т.1. Москва: РОССПЭН.
7. Тэвдой-Бурмули, А. (2001). Интеграция и кризис идентичности: националистический вызов объединяющейся Европе. В *ЕС на пороге XXI в.: выбор стратегии развития* (с. 3-4). Москва: Эдиториал УРСС.

8. Хабермас, Ю. (1995). *Гражданство и национальная идентичность. Демократия. Разум. Нравственность*. Москва: Академия.
9. Debating Europe Platform. (2011). Режим доступа <http://www.debatingeurope.eu/2011/12/19/is-a-european-identity-possible/#.U9A9aLEQP5k>
10. Dobbernack, J., Modood, T. (2011). Tolerance and cultural diversity in Europe. Theoretical perspectives and contemporary developments. Режим доступа <http://www.eui.eu/Projects/ACCЕPT/Documents/Research/wp2/ACCЕPTPLURALISMWP2D2-1Stateoftheartreport.pdf>
11. Flash Eurobarometer 365 "European Union Citizenship". (2013). Режим доступа http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_365_sum_en.pdf
12. Fukuyama, F. (2007). Identity and Migration. Режим доступа: <http://www.prospect-magazine.co.uk/printarticle.php?id=8239>
13. Special Eurobarometer 413/Wave EB81.1 — TNS Opinion & Social "Future of Europe". (2014). Режим доступа http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_413_en.pdf
14. Triandafyllidou, A. (2012). *Handbook on Tolerance and Cultural Diversity in Europe*. Florence: EUROPEAN UNIVERSITY INSTITUTE.

Статья поступила в редакцию 24.06.2014.

.....

EUROPEAN CITIZENSHIP AND CULTURAL DIVERSITY IN EUROPE: PROBLEMS OF CORRELATION

D. B. Kazarinova

Darya Borisovna Kazarinova, Candidate of Political science, lecturer of the Chair of Comparative Political Studies, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

E-mail: Kazarinova_db@pfur.ru.

The article considers the correlation of the political and cultural in modern Europe, of pluralism as a dominant of its development and a complex process of institutionalization in the context of social and cultural diversity and contradictory external challenges. European citizenship is presented as a multilevel and multidirectional construct that is rationally established within the framework of the elite project. This raises the problem of the EU legitimacy and efficiency of its institutions in conditions of democracy deficit. Reasons for a noncontradictory development of different identity vectors are being searched for in the European discourse. Methodological basis of the research is recognition of the cultural pluralism as a political determinant, differentiation of notions of cultural diversity and heterogeneity.

Key words: European Union, European integration, sociocultural integration, European identity, European citizenship, crisis of multiculturalism, cultural enclaves, cultural diversity, democracy deficit.

References

1. Busygina, I. M. (2012). Regional'naja integracija v sovremennom mire i dinamika makropoliticheskoj identichnosti [Regional integration in modern world and dynamics of macropolitical identity]. In *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and policy of identity] (pp. 365-386). Vol.2. Moscow: ROSSPEN.

2. Vajnshtejn, G. I. (2009). Evropejskaja identichnost': zhelaemoe i real'noe [European identity: desired and real]. *Polis* [Polis], (4), 123-134.
3. Dal', R. (1994). Problemy grazhdanskoj kompetentnosti [Problems of civil competence]. *Predely vlasti* [Limits of power], (1), 49-65.
4. Derrida, Zh. & Habermas, Ju. (2003). Nashe obnovenie posle vojny: vtoroe rozhdenie posle Evropy [Our renewal after the war: second birth of Europe]. *Otechestvennye zapiski* [National memoirs], (6), 98-105.
5. Ovinnikova, Ju. (2001). Kul'turnoe raznoobrazie [Cultural diversity]. In G.V. Drach, T.P. Matjash (edit.) *Kul'turologija: kratkij tematiceskij slovar'* [Culturology: concise glossary] (p. 22). Rostov-on-Don: Feniks.
6. Semenenko, I. S. (2012). Mul'tikul'turalizm [Multiculturalism]. In *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and policy of identity] (pp. 176-181). Vol.1. Moscow: ROSSPEN.
7. Tjevdoy-Burmuli, A. (2001). *Integracija i krizis identichnosti: nacionalisticheskij vyzov ob'edinjajushhejsja Evrope. ES na poroge XXI v.: vybor strategii razvitija* [Integration and crisis of identity: nationalist challenge to a uniting Europe. The EU at the threshold of the 21 century: choice of the development strategy] (pp. 3-4). Moscow: Editorial URSS.
8. Habermas, Ju. (1995). *Grazhdanstvo i nacional'naja identichnost'. Demokratija. Razum. Nравstvennost'* [Citizenship and national identity. Democracy. Sense. Moral]. Moscow: Akademija.
9. Debating Europe Platform. (2011). Retrieved from <http://www.debatingeurope.eu/2011/12/19/is-a-european-identity-possible/#.U9A9aLEQP5k>
10. Dobbernack, J., Modood, T. (2011). Tolerance and cultural diversity in Europe. Theoretical perspectives and contemporary developments. Retrieved from <http://www.eui.eu/Projects/ACCEPT/Documents/Research/wp2/ACCEPTPLURALISMWP2D2-1Stateoftheheartreport.pdf>
11. Flash Eurobarometer 365 "European Union Citizenship". (2013). Access regime http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_365_sum_en.pdf
12. Fukuyama, F. (2007). Identity and Migration. Retrieved from <http://www.prospect-magazine.co.uk/printarticle.php?id=8239>
13. Special Eurobarometer 413/Wave EB81.1 — TNS Opinion & Social "Future of Europe". (2014). Retrieved from http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_413_en.pdf
14. Triandafyllidou, A. (2012). *Handbook on Tolerance and Cultural Diversity in Europe*. Florence: EUROPEAN UNIVERSITY INSTITUTE.